

Ирина Прохорова: «Надо продолжать работать в тех условиях, какие есть» | Irina Prohorova: «Il faut continuer à travailler dans les conditions dont on dispose»

Author: Надежда Сикорская, [Москва](#) , 02.11.2016.

Ирина Прохорова, Москва, 2015 г. (© Nashagazeta.ch)

Сегодня открывается X Красноярская ярмарка книжной культуры (КРЯККК). По уже сложившейся традиции в ней будут принимать участие и швейцарские издатели –

при поддержке Швейцарского совета по культуре «Про Гельвеция». Предлагаем вашему вниманию интервью с человеком, без которого КРЯКК не было бы. Оно было сделано почти год назад, но, на наш взгляд, не утратило актуальности.

|

Aujourd'hui le salon international du livre s'ouvre dans un des plus importants centres industriels de Sibérie. Selon la tradition, des éditeurs suisses y participent également, avec le soutien de Pro Helvetia. Voici une interview avec une personne sans laquelle KRYAK n'aurait probablement pas existé. Enregistrée l'année dernière cette interview, à notre avis, n'a pas perdu l'actualité.

Irina Prohorova: «Il faut continuer à travailler dans les conditions dont on dispose»

Ирина Дмитриевна Прохорова, известная многим исключительно как «сестра олигарха», интересует нас как «сама по себе» личность, неординарная и состоявшаяся. Выпускница филфака МГУ, кандидат филологических наук, в 1992 году она основала журнал «Новое литературное обозрение» и возглавила издательство, специализирующееся на книгах и журналах культурной и гуманитарной направленности. Не ограничивая свою деятельность (в том числе, благотворительную) только столицей, основала международную книжную ярмарку в Красноярске. Благодаря ежегодной премии «НОС», присуждаемой благотворительным Фондом Михаила Прохорова, способствует выявлению и поддержке новых трендов в современной художественной литературе на русском языке.

Помимо основной деятельности, связанной с книгами, Ирина Дмитриевна привлекла к себе внимание некоторыми своими поступками: так, в июне 2012 года она отказалась возглавить Общественный совет при Министерстве культуры РФ; в том же году, будучи доверенным лицом Михаила Прохорова на президентских выборах, провела незабываемые теледебаты с Никитой Михалковым; в марте 2014 года вместе с другими подписала обращение инициативной группы по проведению конгресса интеллигенции «Против войны, против самоизоляции России, против реставрации тоталитаризма» и обращение в защиту российского музыканта Андрея Макаревича, выступившего с критикой политики российских властей на Украине. Тем для разговора оказалось множество.

Наша Газета.ch: В России в последние пару десятилетий возникла мода на фонды. Обеспеченные люди занялись благотворительностью. Что подвигло на подобную деятельность Вас и Вашего брата? Какую цель вы перед собою ставили?

Ирина Прохорова: Мне кажется, люди, создающие фонды, преследуют одну цель. Ими движет какое-то чувство гражданского долга, желание помочь. Более того, я бы сказала, что благотворительность – это фундамент любого развитого современного общества, без нее невозможно развитие многих социальных и культурных областей жизни. Поэтому, хотя ничего нового или оригинального здесь нет, приятно, что, действительно, с начала 1990-х годов благотворительность стала частью нашей жизни.

В советский период это было совершенно невозможно?

Совершенно! Причем не только частные фонды, но даже волонтерство, настолько все было заорганизовано. Но ведь интересно, что уже с конца 1980-х, когда появились кооперативы, а с ними – какие-то деньги, люди стали помогать. Это не была системная поддержка: люди давали школам, в которых учились, детским садикам и так далее. Если кто-то проведет исследование, то, думаю, сделает много интересных открытий. Со временем появилась потребность в систематизации этой деятельности, тогда и начала появляться фонды. Наш фонд открылся в 2004 году, а до этого мы с братом в течение нескольких лет пытались понять и сформулировать, куда важно направлять деньги. Понимание пришло, когда Михаил стал генеральным директором «Норильского никеля», и мы увидели, как живут люди в регионах.

Сначала была эпоха Возрождения, а потом уже промышленная революция. Именно так, а не наоборот. Потому что промышленные революции, экономические реформы происходят в результате изменения сознания людей, изменения их отношения к власти.

И что же вы поняли?

Все разговоры об экономике, о производительности труда, все, что мы всегда ставим на первое место, – это такой квазимарксистский подход, а на самом деле – производное от общего культурного климата, создаваемого в регионе. Что у нас никогда не учитывается!

То есть Вы хотите сказать, что сознание-таки определяет бытие?

Абсолютно точно! Ведь не случайно, как верно замечает мой брат, сначала была эпоха Возрождения, а потом уже промышленная революция. Именно так, а не наоборот. Потому что промышленные революции, экономические реформы происходят в результате изменения сознания людей, изменения их отношения к власти. Проблема в регионах была не только в том, что там не было денег – с этим, кстати, в Норильске было лучше, чем во многих других местах, – а в том, что регион в течение лет пятнадцати был отрезан от «большой земли». Там была страшно депрессивная атмосфера, люди варились в собственном соку и иногда ходили в единственный театр. Мне рассказывали, что последний живой писатель приезжал к ним в середине 70-х годов. Люди перестали даже ездить на курсы повышения квалификации, местные учителя сами писали какие-то программы. В общем, проблема была колоссальная. И тогда мы решили, что будем вкладывать в развитие культуры в российских регионах.

Как отнеслись к вашему выбору окружающие?

Без большого понимания. Только сейчас, больше десяти лет спустя, все начали кричать про регионы. Так что мне кажется, мы угадали правильно, причем со значительным опережением. Что же касается результатов, то мы видим их именно в изменении общего климата. Начали появляться книжные магазины, местное руководство занялось библиотеками, начал развиваться креатив. Начавшийся творческий обмен повышает качество среды и просто улучшает настроение людей. Мы не стремимся к эффектным разовым зрелищам, разным псевдопатриотическим действиям, но занимаемся системной работой, инвестируя в будущее.

Несколько моих швейцарских коллег побывали на устраиваемой вами

книжной ярмарке в Красноярске и остались в полном восторге. Всех поразила интеллигентность и заинтересованность публики. Почему Вы выбрали именно Красноярск?

Так исторически сложилось, что этот город стал нашим опорным пунктом и остается им. Из-за работы брата проблемы именно этого региона нам удалось глубже всего изучить. Сейчас мы работаем и в других местах. Но тогда я применила научный подход, потому что в благотворительности, как в медицине, главное не навредить. И не восстановить против себя местное сообщество. Мы запросили все цифры: демография, экономика, учебные заведения, говорили с самыми разными людьми, пытаюсь понять, что же этим людям нужно. Ведь часто считается, что в Москве это лучше знают. И мы начали с мелочей: с предоставления компьютеров, с постепенного просвещения, попытались вводить современное искусство. В Красноярске, кстати, есть чудесный музей, а книг в этом университетском городе, куда съезжаются учиться со всего Зауралья, не было, библиотеки не комплектовались с 1989 года. Студенты учились по советским учебникам. Так и возник проект книжной ярмарки с большой культурной программой и специальной программой для библиотекарей. Каждый год мы выделяем 15 млн рублей на комплектование около 60 библиотек региона. Думаю, около полумиллиона книг уже наберется. Сама же ярмарка в какой-то степени благотворительная – приезжающие издатели получают бесплатно шестиметровый стенд и возможность бесплатной (за наш счет) перевозки до 200 кг груза по железной дороге. То есть они приезжают, а на их стенде уже стоят книги.

Кроме этого, мы проводим в Красноярске фестиваль «Театральный синдром», который начинали в Норильске. Стараемся привозить туда лучшие спектакли – современные, новаторские. Многие отмечены «Золотой маской», другими престижными премиями.

В Красноярске есть чудесный музей, а книг в этом университетском городе, куда съезжаются учиться со всего Зауралья, не было, библиотеки не комплектовались с 1989 года.

Прекрасно. Но только вот пригласил какой-то провинциальный город современный спектакль, а потом бац – и скандал, как в Новосибирске. Это отпугивает?

Отпугивает. И число получаемых нами заявок идет на убыль. Люди боятся делать проекты. В понимании многих современное искусство – это обязательно сотрясение основ и пощечина общественному вкусу. Я так совершенно не считаю, ведь современность – это и реинтерпретация классики. Недаром тема КРЯККА 2016 года – «Современность как диалог с традицией».

Трудно ли вообще «внедрять» современное искусство?

Трудно, потому что этому надо учить с детства. А если люди живут в окружении панельных коробок и в рамках «эстетического воспитания» рисуют цветочки маме к 8 марта, то откуда развиваться эстетическому вкусу? Но мне кажется, что за девять лет существования книжной ярмарки какой-то позитивный сдвиг произошел.

Красноярск – не самое, мягко говоря, активное туристическое направление. Думаю, многие иностранцы, приезжающие на ярмарку и другие культурные

мероприятия, раньше о таком городе и не слышали.

Да конечно! В 2015 году главной темой ярмарки было «Карта родины. Художественное освоение пространства». Мы поняли, что на нашей карте – сплошные белые пятна. Есть Москва и Санкт-Петербург, еще что-то где-то, Крым, например, из-за чего такая истерика – с ним связана культурная мифология. А что такое Красноярск? Ну, индустриальный центр где-то там в Сибири. Сами красноярцы затруднялись ответить, чем можно заманить сюда туристов, даже отвечая на полученную установку на внутренний туризм, которую я, в принципе, приветствую. Культурную мифологию надо создавать, это большая творческая работа. Но для этого надо знать или хотя бы интересоваться собственной историей, помимо Сурикова и Астафьева, надо перенимать передовой международный опыт, все эти хабы и кластеры. Ведь даже в самом Красноярске ни разу, насколько я знаю, не было серьезной ретроспективы их «родного» Сурикова. Сибирские города были созданы купечеством, здесь есть огромные нереализованные возможности, которые можно красиво преподнести. Мы подталкиваем людей к креативу, а это подтягивает за собой экономику, ведь дороги прокладываются и маршруты открываются под что-то, а не просто так.

Культурную мифологию надо создавать, это большая творческая работа. Но для этого надо знать или хотя бы интересоваться собственной историей, помимо Сурикова и Астафьева, надо перенимать передовой международный опыт, все эти хабы и кластеры

Поговорим о вашей программе «Транскрипт», благодаря которой Фонд поддерживает переводы русской литературы на иностранные языки. В последнее время, помимо всего прочего, стал болезненным и болезненным вопрос принадлежности авторов, которых теперь делят на «наших» и «не наших». Недавний яркий пример – Светлана Алексиевич. Полученная ею Нобелевская премия по литературе расколола общество. Что Вы об этом скажете?

Ну что обсуждать маразм?! В рамках нашего конкурса не имеет никакого значения, где живет человек. Если его произведение написано на русском языке, оно подлежит рассмотрению с точки зрения возможности перевода его на другие языки. Вот и все.

Влияет ли на деятельность Фонда меняющаяся политическая ситуация?

Открыто, конечно, на нас никто не давит, но меняется весь контекст, вся атмосфера. И это неприятно. Люди стали бояться что-то делать, даже если мы готовы их поддержать. И это очень жаль! Но, с другой стороны, никто нам ничего не обещал, у нас было двадцать лет относительной свободы, а теперь надо продолжать работать в тех условиях, какие есть.

Как Вы относитесь к изменениям, происходящим в русском языке, к его порой нарочитому коверканию и использованию чуть ли не нецензурной и уголовной лексики – часто с подачи и при поддержке ряда видных персоналий и СМИ? Раньше за такое лишали эфира, например, а теперь – это почти норма.

Мне кажется, существует две разные проблемы. Конечно, криминализация сознания ужасная, и ужасно, что именно представители власти выступают носителями этого криминального сознания и языка. Это чудовищно. С другой стороны, вряд ли можно

продолжать равняться только на Д. Э. Розенталя и советские нормы, поскольку язык претерпел и объективные изменения, реальность потребовала его эволюции. Мы находимся в момент, сравнимый с Петровской или послереволюционной эпохой, когда все сломалось, было много смешного, нелепого, что потом стало привычным и почти сакральным. Мне кажется, в начале 1990-х годов были и позитивные моменты: язык бурно развивался, вбирая в себя все и отовсюду – не хватало слов, не было понятий. И это нормально, для этого и существует литература, работающая с языком и вырабатывающая новые литературные нормы. Я всегда боюсь не каких-то огрех против литературных норм, а государственных попыток что-то нормировать. По крайней мере, в нашей традиции ничего хуже не бывает. Но, конечно, хотелось бы, чтобы народные избранники умели грамотно говорить на родном языке.

Ну, а безумный запрет нецензурицы в кино и литературе?

Вы же сами определили – безумный! Эти запреты издают люди, сами без мата не способные произнести ни одного предложения. Я Вам так скажу – я не знаю ни одного человека, который научился бы материться, читая книги. Все это – лишний рычаг управления, возможность дополнительной цензуры. Я воспринимаю это только так.

Заметили ли Вы какие-то сдвиги в интересах западных издателей в отношении русской литературы? Поясню: раньше кого-то интересовала антисоветчина, кого-то – официоз. Да и теперь, даже в нашей маленькой Швейцарии, наблюдается большое расслоение: одни издают книги духовника В. В. Путина, другие – Елену Чижову, Романа Сенчина...

Когда несколько лет назад мы затеяли программу «Транскрипт», все кричали о том, что надо продвигать русскую культуру, литературу и т.д. На это тратились огромные деньги, создавались разные центры, хотя что они продвигали, я затрудняюсь сказать. При этом существуют иные – более простые, профессиональные и менее затратные рычаги. Для продвижения литературы надо заинтересовать издателей, для которых перевод книг – всегда огромная нагрузка. Гранты же на переводы их очень стимулируют. С тех пор, как мы начала их давать, число заявок неуклонно растет.

У нас есть определенные критерии. Мы не поддерживаем коммерческую литературу, всякие триллеры и тому подобное. Поддерживаем классику, прежде всего, неизвестную или малоизвестную, мало переводившуюся или переводившуюся плохо, и современную литературу. Решения принимает экспертный совет. Приятно, что издатели быстро это поняли и на всякую ерунду заявки не подают.

Отмечу такой факт: с осложнением политической ситуации интерес возрос. Людям, видимо, хочется понимать, что происходит. Хочется надеется, что с улучшением ситуации этот интерес не ослабеет.

[Россия](#)

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/irina-prohorova-nado-prodolzhat-robotat-v-teh-usloviyah-kakie-est>